

О СВОЕОБРАЗИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»

К. РАЦЕВИЧЮТЕ

Среди многих широко известных и признанных романов 20-х годов несколько особняком стоит «Зависть» Ю. Олеши. Это один из первых советских романов об интеллигенции, горькая книга о зависти старого мира к новому, о том, «как трудно отмывается грязь старого от человеческой души»¹.

Но надо признать, что до сих пор в истории советской литературы «Зависти» Ю. Олеши не уделялось должного внимания. В последнее время в советском литературоведении наметилось стремление к широким обобщениям, к осмыслению отдельных произведений в их связи с историей развития всей советской литературы. В этом процессе не должно быть обойдено молчанием ни одно значительное литературное явление, тем более «Зависть» Ю. Олеши, умная и тонкая книга, своеобразно дополняющая картину революционного изменения мира, созданную советской литературой в 20-е годы. В романе Ю. Олеши отразились поиски новых художественных принципов, дающих возможность наиболее глубоко изобразить новую действительность и главное — нового человека.

Чем же объяснить молчание послевоенной критики о «Зависти» Ю. Олеши? В какой-то степени причину можно усмотреть в том, что до сих пор в нашем литературоведении недостаточно изучено творческое своеобразие советских писателей. Только в последнее время начали появляться работы, целиком посвященные вопросам творческого своеобра- зия. Творчество же Ю. Олеши в высшей степени оригинально. Свое- образие художественного мировидения писателя предполагает подход к содержанию его произведений только через форму. Поэтому, чтобы правильно понять художественные образы романа «Зависть», определить место, занимаемое им в прозе 20-х годов, необходимо проникнуть в художественный мир Ю. Олеши, изучить его эстетические принципы.

¹ В. Шкловский. Об авторе и его книге. «Октябрь», 1961, № 7, стр. 147.

Изображаемый Ю. Олешей мир — это наша повседневная жизнь, наш быт, наши будни. Все, окружающее нас в жизни и созданное руками человека, бесконечно дорого и прекрасно для Олеси. Этот многообразный мир писатель очень бережно запечатлел на страницах своих книг. Очень бережно и очень своеобразно.

В «Беседе с читателями» в 1935 году Ю. Олеша писал: «Умение видеть мир как бы впервые является свойством поэта. А это умение идет ведь от детства, когда человек действительно видит мир впервые»². Этим умением «видеть мир как бы впервые», поистине детской непосредственностью и остротой зрительного воображения отмечается олешинское мировидение. Это умение и легло в основу творческих приемов писателя.

Ю. Олешу можно назвать поэтом «необыкновенной повседневности». Благодаря свежести восприятия он обладает редким даром в самом обыденном и повседневном видеть прекрасное. Этой красотой Олеша щедро делится с читателями в своих книгах. Для него «нет ничего прекраснее, чем делиться с кем-либо красотой, чем указывать читателю на те или иные красоты, которые он по неопытности, да просто по незаинтересованности может и не заметить»³. Изображая хорошо нам известный и примелькавшийся в быту окружающий мир, Олеша выбирает самые, казалось бы, несущественные и незначительные детали. Однако в его изображении они становятся значительными, полными неожиданностей, незамеченной нами до сих пор красоты. Книги Ю. Олеси возвращают и нам свежее восприятие мира. Увлеченные мастерством художника, мы с удивлением замечаем, что «цыганская девочка похожа на веник»⁴ и что, когда смотришь на часы Спасской башни, действительно «кажется, что кто-то плывет в лодке, взмахивая золотыми веслами»⁵. Поэтому из под пера Ю. Олеси возникает не объективная картина, а окружающая действительность в восприятии писателя. Это неповторимое своеобразие индивидуального мировосприятия является самым ценным для Олеси. Художнику очень важно передать свое, субъективное ощущение действительности. «Когда я пишу, я думаю только о том, чтобы передать с максимальной явственностью то, что я вижу... Я должен передать читателю свое чувство»⁶ — признавался Олеша.

Особенностью мировидения Ю. Олеси определяется и то место, которое в его творчестве занимают вопросы формы. Стремление с мак-

² Ю. Олеша. Беседа с читателями. «Литературный критик», 1935, № 12, стр. 153.

³ Ю. Олеша. Ни дня без строчки. М., 1965, стр. 198.

⁴ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 292.

⁵ Ю. Олеша. Ни дня без строчки. М., 1965, стр. 279.

⁶ Ю. Олеша. Беседа с читателями. «Литературный критик», 1935, № 12, стр. 155.

симальной убедительностью передать мир таким, каким он его видел, требовало от Ю. Олеши большого внимания к вопросам мастерства. «Он мечтал о литературном совершенстве, о фразе, которая точно бы выразила мысль, о блестящих метафорах, в которых был бы закреплён мир»⁷. В этом стремлении к совершенству, сосредоточенности в работе над художественным образом, на первый план в творчестве Олеси выступают эстетические проблемы, заслоняя собой все остальное. Сам Олеша, хотя и излишне строго, отметил эту особенность своего творчества: «Мне кажется, что я только называтель вещей. Даже не художник, а просто какой-то аптекарь, завертыватель порошков, скатыватель пилюль. Толстой, занятый моральными или историческими, или экономическими рассуждениями, на ходу бросает краску. Я все направляю к краске»⁸. Олеша целиком сосредоточен на изображаемой картине. Он максимально приближает к глазам объект изображения, чтобы отчетливее видеть даже почти неуловимые черты. Благодаря такой манере изображения ярко и выпукло выступают отдельные детали, но в какой-то мере теряются грани картины в целом. Поэтому книги Олеси кажутся составленными из блестяще выполненных миниатюр-эссе. Наиболее ярко эта манера письма сказалась в последней, незаконченной книге «Ни дня без строчки».

Однако было бы крайне ошибочно все значение творчества Олеси свести только к эстетическим проблемам. Значение Ю. Олеси как писателя в том, что «называя вещи», он сумел создать картину эпохи. Мир, который запечатлел Олеша, это рубеж двух эпох, время смены старого мира — новым. И художественные принципы Олеси, метод писателя в какой-то мере рождены самой действительностью переходного времени, ее пестротой, изменчивостью, причудливым сочетанием старого и нового. Зарисовки мелочей быта, объединенные мыслью писателя, перерастают в зарисовки времени, ибо каждая мелочь, каждая вещь интересует Олешу не только с эстетической стороны, но и в своем соотношении со временем, с эпохой. Вещи как бы живут во времени на страницах олешинских книг. Так, запечатлев аэростаты, появление кинематографа, увлечение первыми велосипедами, первые электрические лампочки накаливания, Олеша прослеживает историю изменения этих вещей и рисует перед нами картину изменения мира, а тем самым историю развития человеческой мысли.

⁷ В. Шкловский. Об авторе и его книге. «Октябрь», 1961, № 7, стр. 148.

⁸ Ю. Олеша. Ни дня без строчки. М., 1965, стр. 257.

Книги Ю. Олеши так ценны потому, что они наглядно восстанавливают ушедший в прошлое мир и показывают, как меняется жизнь в нашей стране. Олеша сам отчетливо сознавал оригинальность и значение своего творчества. «Все же это литература,— говорил о своих книгах Олеша,— возможно и единственная в своем роде: может быть такой психологический тип, как я и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать — и если пишет и до известной степени умеет писать, то пусть пишет хоть бы и так»⁹.

Особенную значительность творчеству Олеши придает то, что, фиксируя изменение окружающего предметного мира, нашего быта, он связывает это изменение с человеком, с его внутренним миром. Олеша не раз говорил, что советская действительность должна принести с собой новые чувства, «новую серию состояний человеческой души». Он пытается проследить процесс зарождения новых чувств и эмоций в душе советского человека. Так, в книге «Ни дня без строчки» он отмечает, что в связи с новыми условиями труда «рабочим и работницам становятся знакомы такие переживания, как например, ревнивое внимание к чужим успехам. Это переживание прежде появлялось только у художников и людей, работающих в искусстве»¹⁰. Хотя надо признать, что и в эмоциональном плане Олешу прежде всего интересует развитие эстетического чувства, способность нового человека воспринимать прекрасное. То есть внимание художника направлено к тем сферам человеческой жизни, в которые утверждение нового приходит в последнюю очередь, в завершающий период строительства новой жизни.

В связи с этим и личные отношения Олеши со временем были сложными. С самого начала своего творческого пути он безусловно находился на стороне нового мира, «но он долгое время был как бы озадачен советской действительностью и должен был доказать себе, что борьба за построение социализма и победа его в нашей стране не мечта, а реальность»¹¹. Поэтому тема старого и нового мира и приобретает в творчестве Олеши такое значение. Он должен был лично удостовериться в преимуществах нового мира, должен был сам убедиться, что новому поколению присущи более тонкое восприятие красоты, более сильные и благородные чувства.

Все сказанное, нам представляется, позволяет более точно определить своеобразие «Зависти» Ю. Олеши.

⁹ Ю. Олеша. Ни дня без строчки. М., 1965, стр. 11.

¹⁰ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 320.

¹¹ В. Перцов. Писатель и новая действительность. М., 1961, стр. 440.

При знакомстве с немногочисленными героями романа Ю. Олеши нас охватывает чувство недоумения. С одной стороны, кажется, что в романе изображаются традиционные для литературы конца 20-х и начала 30-х годов герои. Это Николай Кавалеров, мелкобуржуазный интеллигент, обыватель, не нашедший места в новой жизни. Ему противопоставлен коммунист, производственник «Андрей Бабичев — один из замечательных людей государства» и его воспитанник, комсомолец-вузовец Володя Макаров, «совершенно новый человек». Однако эти, как будто знакомые герои, настолько необычно изображены автором романа, что не только современная ему критика становилась в тупик, но и по сей день литературоведы высказывают весьма противоположные мнения, как заходит речь о героях олешинского романа, об их типичности.

Мы не будем здесь приводить споры в литературной критике 20—30-х годов, которые в основном велись по поводу образов Андрея Бабичева и Володи Макарова: являются ли они типами новых людей, устремленных в будущее, или же самодовольными дельцами, обывателями, достойными осуждения не менее, чем Кавалеров¹².

Мы только укажем на некоторые разногласия в нашей современной литературной критике, которые касаются образа Николая Кавалерова. Так, в работе Л. Ершова «Советская сатирическая проза 20-х годов» мы читаем: «Ю. Олеша сосредоточил теперь свое внимание на совершенно реальном типе современности — своеобразном сатирическом варианте «лишнего человека», озлобленного победоносным натиском нового и исподтишка пакостящего этому новому»¹³. Целиком этой точки зрения на образ Кавалерова, как на типический, придерживается В. Перцов: «Кавалеров являет собой тип «лишнего человека» в эпоху строительства социализма. В образе Кавалерова есть трагизм исторический, присущий этому типу: Кавалеров ведь сам посторонился с дороги строительства социализма, признав свою жизнь «насильственной» и «самонадеянной»¹⁴.

Совершенно по-другому трактуется этот образ в такой крупной работе, как «История русского советского романа»: «Персонажи в нем (в романе «Зависть» — К. Р.) являются носителями какой-либо одной,

¹² См. статьи: Яков Черняк. О «Зависти» Юрия Олеши. «Печать и революция», 1928, № 5; Д. Горбов. Оправдание «Зависти». В кн.: «Поиски Галатей». М., 1929; Д. Тальников. Гул времени. В кн. «Литература и современность». М., 1929; В. Ермаков. Освобождающийся человек. В кн. «За живого человека в литературе». М., 1928.

¹³ Л. Ф. Ершов. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., 1960, стр. 220.

¹⁴ В. Перцов. Юрий Олеша. В кн. «Ю. Олеша. Избранные сочинения». М., 1956, стр. 16—17.

определенной морально-политической идеи... Николай Кавалеров, по определению Ивана Бабичева, — «завистник»¹⁵. . . Далее в упомянутой работе довольно категорически отказывается в типичности всем без исключения героям «Зависти»: «Отсутствие типических характеров и типических обстоятельств в «Зависти» наряду с элементами явной буффонады дает право отнести «Зависть» к жанру романа-памфлета, а, может быть, даже к редкому в советской литературе жанру буффонадного романа»¹⁶.

Не углубляясь в споры о жанре «Зависти», попробуем разобраться в вопросе о типичности олешинских героев. В упомянутых работах нам кажется спорной исходная позиция в изучении образов олешинских героев в романе «Зависть». Исследователи исходят из разделения самим автором своих героев на типы новых людей, представителей нового социалистического мира и типы старых людей, завистников и равнодушных. Поэтому к изучению образа они подходят с определенной меркой, как к конкретному типу, и исследование сводится к стремлению найти в этом образе черты, характерные для данного типа.

Однако вряд ли можно это разделение героев на старых и новых людей принимать как совершенно достоверное для самого автора. Кажется маловероятным, что Андрей Бабичев является для Олеши окончательным воплощением нового человека. Поэтому это разделение следует рассматривать скорее как условное.

Кроме того, при таком подходе остаются в стороне вопросы о своеобразии олешинского художественного мировидения, его взгляд на человека, на его связь с окружающим миром, характерные для этого писателя принципы изображения человека. А с этих вопросов и следует начинать, когда идет разговор о героях произведений Ю. Олеши.

Мы уже говорили об очень внимательном и бережном отношении Ю. Олеши к окружающему нас миру вещей. Эта особенность его творчества играет весьма важную роль и в изображении человека. Используя отдельные детали предметного мира, Ю. Олеша передает нам внутренний психологический мир человека, ибо эти детали в его романе даны через восприятие героя. «Олеша не пишет о самой действительности, а о разных типах отношения к ней»¹⁷, — писал о творчестве Олеши Лев Левин.

¹⁵ История русского советского романа. М.—Л., 1965, т. 1, стр. 230—231.

¹⁶ Там же, стр. 232.

¹⁷ Л. Левин. Тема одинокой судьбы. «Литературный современник», 1933. № 7, стр. 130.

Изображая отношения героя к действительности, Олеша показывает, как сам герой воспринимает эти отношения, и таким образом раскрывает его чувства. Приведем следующие рассуждения Кавалерова: «Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь-монета или запонка падает со стола, то обычно закатывается под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется»¹⁸. Осознанные самим Кавалеровым его взаимоотношения с окружающим, враждебным ему миром вещей передают нам ощущение чувства одиночества и неустроенности героя в этом мире¹⁹. Поскольку через взаимоотношения героя с окружающей предметно-бытовой обстановкой Олеша передает его внутренний мир, его чувства, он очень внимательно подбирает детали предметно-бытового окружения героя.

Олеша сознательно избирал для своих героев соответствующую профессию, ибо от профессии во многом зависело, в какой обстановке будет изображаться герой. В «Беседе с читателями» Олеша писал: «Меня ругали за то, что Андрея Бабичева я сделал «колбасником»! Дескать, коммунист, положительный тип — и вдруг колбасник! Но я нарочно дал положительному герою эксцентрическую профессию. Если бы он был не «колбасником», а, скажем, заведующим издательством, — это было бы пресно. Поскольку же он «колбасник», то вокруг него появляются зрительно, чувственно интересные вещи»²⁰.

Эти «зрительно, чувственно интересные вещи» привлекали Олешу сами по себе, как благодатный материал для художественного изображения, но, с другой стороны, в отношении к таким вещам легче раскрыть и эмоции героя. Вспомним чувства восторга, гордости создателя, умиления, охватившие Андрея Бабичева при виде нового сорта дешевой колбасы, передающие его увлеченность своей работой. Соответствующие профессии подобраны и для других героев. Самодовольная, равнодушная вдова Анечка Проксепович — стряпуха и появляется «опутанная кишками и жилами животных. В ее руке сверкает нож. Она раздирает кишки локтями, как принцесса паутину»²¹.

¹⁸ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 26.

¹⁹ В упомянутой работе Л. Ершова «Советская сатирическая проза 20-х годов» обращено внимание на роль вещей в характеристике героя Олеша.

²⁰ Ю. Олеша. Беседа с читателями. «Литературный критик», 1935, № 12, стр. 159.

²¹ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 41.

В описании вещественно-предметного мира у Олеши совершенно отсутствуют нейтральные детали. Каждая из них в какой-то степени взаимосвязана с героем, с самой сущностью его образа. Особенно значительными являются те детали, которые постоянно сопутствуют развитию характера, как, например, символическая подушка Ивана Бабичева. Вначале это просто пуховая подушка, на которой спала его дочь Валя и которую Иван носит с собой. Несколько сентиментальная смешная деталь, передающая трогательную привязанность Ивана к дочери. Но далее, в связи с развитием образа, подушка меняется. «Он нес большую, в желтом напернике, старую, выспанную многими головами подушку и, устроившись на веревке, опустил подушку на землю,— и села подушка рядом, как свинья»²². От подушки сейчас уже веет затхлым мешанским миром, представителем которого является Иван Бабичев. В дальнейшем эта бытовая деталь превращается в символ всей жизненной философии Ивана Бабичева: «Вот подушка. Я король подушек. Скажите ему: мы хотим спать каждый на своей подушке. Не трогай подушек наших!.. Не зови нас! Не мани нас, не соблазняй нас. Что можешь ты предложить нам взамен нашего умения любить, ненавидеть, надеяться, плакать, жалеть и прощать?.. Вот подушка. Герб наш. Знамя наше. Вот подушка. Пули застревают в подушке. Подушкой задушим мы тебя...»²³. Так постепенно бытовая деталь становится у Олеши неотъемлемой частью образа героя, значительной и важной для раскрытия его внутреннего мира. Подобную функцию в романе выполняют кровать Анечки Прокопович, одеяло и кровать Кавалерова, котелок Ивана Бабичева и другие вещи.

Как видим, детальное описание окружающего человека вещественно-предметного мира подчинено у Олеши главной задаче — раскрытию внутреннего мира его героев.

Внутренний мир человека у Олеши это, в первую очередь, мир его чувств. Причем в «Зависти» Олеша стремится разобраться, какие чувства представляют «человека кончающейся эры»²⁴ и подлежат уничтожению и какую «новую серию состояний человеческой души»²⁵ создает эра социализма взамен прежних чувствований. Какой именно строй чувств является определяющим для того или другого героя его романа, зависит от отношений героя с эпохой, его умения понимать свое время.

²² Ю. Олеша. Избранные сочинения, М., 1956, стр. 106.

²³ Там же, стр. 107.

²⁴ Там же, стр. 86.

²⁵ Там же, стр. 86.

Поэтому Олеша не только раскрывает эмоции своих героев, но и прослеживает их связь со взаимоотношением героя со своей эпохой и новым миром. Наиболее сложные и двойственные отношения у представителей старого мира Николая Кавалерова и Ивана Бабичева, ибо они, прекрасно понимая поэзию и красоту нового мира, все-таки вступают в резкий конфликт со своей эпохой. Так, Николай Кавалеров горд, что его «молодость совпала с молодостью века, он понимает, что будущее принадлежит новому миру: «Но я ведь чувствую, что этот новый, строящийся мир есть главный, торжествующий. . . я не слепец, у меня голова на плечах. Меня не надо учить, объяснять мне. . . Я грамотен»²⁶. Более тонкая натура — Кавалеров даже лучше, чем Андрей Бабичев, понимает романтику новой жизни и, уж безусловно, лучше умеет ее выразить. Вспомним воображаемую речь Кавалерова перед домашними хозяйками: «Женщины! Мы сдую с вас копоть, очистим ваши ноздри от дыма, уши — от галдежа, мы заставим картошку волшебю, в одно мгновение, сбрасывать с себя шкуру; мы вернем вам часы, украденные у вас кухней,— половину жизни получите вы обратно. Ты, молодая жена, варишь для мужа суп. И лужице супа отдаешь ты половину своего дня! Мы превратим ваши лужицы в сверкающие моря, ши разольем океаном, кашу насыплем курганами, глетчером поползет кисель! Слушайте, хозяйки, ждите! Мы обещаем вам: кафельный пол будет залит солнцем, будут гореть медные чаны, лилейной чистоты будут тарелки, молоко будет тяжелое, как ртуть, и такое поплывет благоуханье от супа, что станет завидно цветам на столах»²⁷.

Однако, несмотря на мучительные попытки найти свое место в новой жизни («Верьте мне, я тоже молодой, я тоже буду Эдисоном нового века»²⁸), Кавалеров сам сознает свое отщепенство: «Я вдруг ясно осознал свою непринадлежность к тем, которых созвали ради большого и важного дела, полную ненужность моего присутствия среди них, оторванность от всего большого, что делали эти люди,— здесь ли, на поле, или где-либо в других местах»²⁹. Ибо, «Кавалеров, как раз чувствующий эпоху, не способен сделать это ощущение «главным чувством чело- века»³⁰.

²⁶ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 49.

²⁷ Там же, стр. 29.

²⁸ Там же, стр. 68.

²⁹ Там же, стр. 52.

³⁰ Ж. Эльсберг. «Зависть» Ю. Олеша. «На литературном посту», 1928, № 6, стр. 45.

Причина возникновения конфликта между героем и его эпохой — в социальной обусловленности характера Николая Кавалерова, выходящая из мелкобуржуазной городской среды, откуда он вынес обывательскую психологию и индивидуалистическое отношение к окружающему миру. «Кавалеров не просто хочет жить в новом мире. Он хочет в нем индивидуальной славы, он хочет стать «большим человеком» в этом мире»³¹. Понимание славы у Кавалерова именно мелкобуржуазное, он мечтает достигнуть ее легко, «свершив какое-нибудь гениальное озорство»³². Но «у нас нет пути для индивидуального достижения успеха»³³, а добиваться славы каждодневным упорным трудом Кавалеров не способен, да его и не удовлетворяет «колбасная слава», поэтому чувство времени перерастает в чувство зависти к новому миру, в котором не стать ему победителем. «Мой друг, нас гложет зависть. Мы завидуем грядущей эпохе»³⁴, — подытоживает чувства Кавалерова Иван Бабичев. Эта неспособность преодолеть индивидуалистические устремления, зависть к новому миру, неумение избавиться от старых мелких чувств и является главной виной Николая Кавалерова, из-за которой и казнит Олеша своего героя, — приводит его на кровать Анечки Прокопович.

Отношения новых людей со своей эпохой гораздо проще, ибо здесь господствует полная гармония, слияние с веком, представителями которого являются герои (Володя Макаров — «Эдисон нового века», «новое поколение»). Недаром в уста Володи Макарова вложена мысль, что «главным чувством человека должно быть понимание времени»³⁵. «Я думал, почему злятся люди или обижаются, — сказал он (Володя Макаров — К. Р.), — у таких людей нет понятия о времени... Понимаешь ли: нужно понимать время, чтобы освободиться от мелких чувств»³⁶.

Однако все дело в том, какие чувства Олеша оставляет старому миру, какие видит и изображает у представителей нового мира. Здесь в какой-то степени прав А. Проzorов, когда говорит, что у Олеси «есть тенденция не только «старинные», «мелкие чувства», но все многообразие человеческих чувств и переживаний отнести на счет старого человека, а новому оставить голую логику, «техническое отношение» к жиз-

³¹ Ж. Эльсберг. «Зависть» Ю. Олеси. «На литературном посту», 1928, № 6, стр. 45.

³² Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 39.

³³ Там же, стр. 39.

³⁴ Там же, стр. 91.

³⁵ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 97.

³⁶ Там же, стр. 96—97.

ни»³⁷. Потому что не только «лютик жалости, ящерица тщеславия, змея ревности» должны быть изгнаны из сердца нового человека, по мнению Ю. Олеши, но у Володи Макарова и Андрея Бабичева почти совершенно отсутствуют такие чувства, как любовь, нежность, умение чувствовать прекрасное. А Олеша как художник очень высоко ценит в человеке артистизм натуры и эстетические чувства.

Так как внутренний мир человека в «Зависти» раскрывается через восприятие окружающей действительности, Олеша постоянно помещает в поле зрения героя такие предметы, в отношении к которым проявляется восприимчивость к прекрасному, умение ценить красоту. В этом плане дано описание Николаем Кавалеровым квартиры Андрея Бабичева: «Прекрасную квартиру предоставили ему. Какая ваза стоит у дверей балкона на лакированной подставке! Тончайшего фарфора ваза, округлая, высокая, просвечивающая нежной кровеносной краснотой. Она напоминает фламинго»³⁸. Умение видеть, чувствовать и воспринимать прекрасное Олеша раскрывает в отношении Кавалерова к самым обыденным и простым вещам: «В дверь уборной вделано матовое овальное стекло. Он поворачивает зыклячитель, овал освещается изнутри и становится прекрасным, цвета опала, яйцом. Мысленным взором я вижу это яйцо, висящее в темноте коридора»³⁹. По сути дела Олеша наделяет Кавалерова своим тонким художественным чутьем, своим умением видеть красоту «необыкновенной повседневности». Однако тонким чувством восприятия прекрасного наделен только Николай Кавалеров, а Андрей Бабичев и Володя Макаров, представители нового мира, совершенно лишены чувства прекрасного.

Различие в восприятии красоты этими героями Олеша передает через отношение их к одним и тем же явлениям. Так, вид юной, прекрасной Вали приводит Кавалерова в такое волнение, что он способен только произнести: «Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев»⁴⁰. И тут же Олеша показывает реакцию Андрея Бабичева на взволнованную фразу Кавалерова. Он долго слушает, как бы не понимая, потом: «Он разразился хохотом. Ветвь? Как? Какая ветвь? Полная цветов? Цветов и листьев? Что? Это, наверное, какой-нибудь алкоголик из его компании»⁴¹. Та же фраза, которая так поразила Валу,

³⁷ А. Прооров. Олеша. Литературная энциклопедия, т. VIII, 1934, стр. 280.

³⁸ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 27.

³⁹ Там же, стр. 26.

⁴⁰ Там же, стр. 44.

⁴¹ Там же, стр. 45.

что она ее запомнила и не забыла, вызывает у Андрея Бабичева только смех, не находя никакого отклика в его душе.

Особенно отчетливо эта разница видна в описании Вали, которое Кавалеров дает от своего имени и от имени Андрея Бабичева. «Да, она стояла передо мной,— да, сперва по-своему скажу: она была легче тени, ей могла бы позавидовать самая легкая из теней — тень падающего снега; да, сперва по-своему: не ухом она слушала меня, а виском, слегка наклонив голову; да, на орех похоже ее лицо: по цвету — от загара, и по форме — скулами, округлыми, сужающимися к подбородку. Это понятно вам? Нет? Так вот еще. От бега платье ее пришло в беспорядок, открылось, и я увидел: еще не вся она покрылась загаром, на груди у нее увидел я голубую рогатку вены. . .

А теперь — по-вашему. Описание той, которой вы хотите полакомиться. Передо мной стояла девушка лет шестнадцати, почти девочка, широкая в плечах, сероглазая, с подстриженными и взлохмаченными волосами — очаровательный подросток, стройный, как шахматная фигурка (это уже по-моему!), невеликий ростом»⁴². И так как в это описание Кавалерова, приписываемое Бабичеву, Олеша своей поправки не вносит, оно воспринимается как вполне объективное.

Правда, мы не можем утверждать, что Олеша совершенно лишает новых людей положительных качеств в эмоциональном плане. Все те эмоции, которые характерны для делового, увлеченного своей работой человека, характерны для Андрея Бабичева и Володи Макарова. Вспомним восторг и гордость Андрея Бабичева, когда был изготовлен новый сорт колбасы, или страстную увлеченность Володи Макарова техникой, машинами. Даже Николай Кавалеров под влиянием кипучей деятельности Андрея Бабичева испытывает «административный восторг». Мы даже можем проследить попытку Олеши раскрыть интимные чувства своих героев, представителей нового мира. Такой попыткой приоткрыть завесу в интимный мир своих героев представляется нам рассуждение Андрея Бабичева о характере его чувств и Володе Макарову: «Значит, что же? Значит, человеческое чувство отеческой любви надо уничтожить? Почему же он любит меня, он, новый? Значит, там, в новом мире, будет тоже цвести любовь между сыном и отцом? Тогда я получаю право ликовать; тогда я вправе любить его как сына и как нового человека»⁴³. Но положительные качества новых людей рассудочность и логичность, механически перенесенные в интимный мир нового человека, как это мы

⁴² Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 59—60.

⁴³ Там же, стр. 96.

видим в изображении любви Володи Макарова («Что Валька? Конечно, поженимся! Через четыре года. Ты смеешься, говоришь — не выдержим. А я вот заявляю тебе: через четыре года. Да. Я буду Эдисоном нового века. Первый раз мы поцелуемся с ней, когда откроется твой «Четвертак»⁴⁴), лишает эти чувства, даже в глазах самого Олеша, человеческой теплоты и обаятельности. По сравнению с этим «распланированным» проявлением любви чувство Николая Кавалерова с его «неизлечимой тоской» и безысходностью, раскрытое глубоко психологически, предстает более человеческим и искренним.

Глубоко психологически раскрыть чувства нового человека Олеша не сумел в «Зависти», ибо тогда еще не видел процесса становления этих чувств у нового человека, и только гораздо позже, в книге «Ни дня без строчки» он будет любовно отмечать проявление эстетического чувства, творческого начала у простых советских людей. Поэтому образы новых людей, представителей своего времени, получились схематичными и духовно обедненными.

«Принимая идеологию нового мира, Олеша плохо понимал еще психологию его реальных строителей, а отвергая завистников и недоброжелателей этого мира, лучше чувствовал и изобразил в романе их внутренний мир»⁴⁵. В этом кроется своеобразное противоречие между идейным замыслом произведения и объективным смыслом художественных образов. Так как объективный критерий оценки личности в романе — требования времени, умение понимать свою эпоху и активно участвовать в строительстве новой жизни, Олеша неустанно разоблачает «завистников» и «равнодушных» и всей логикой развития сюжета приводит их к крайней степени падения — на кровать Анечки Прокопович. Представители нового мира утверждают и одерживают реальную победу в романе. Однако глубоко психологически раскрытый образ Николая Кавалерова, обладающего богатым внутренним миром, тонким ощущением красоты, кажется гораздо значительнее как личность, чем прямолинейные образы Володи Макарова и Андрея Бабичева.

* * *

Художественные принципы Юрия Олеша — раскрытие действительности через восприятие героя, изображение героя в тесном соотношении с окружающим предметно-вещественным миром, преимущественное

⁴⁴ Ю. Олеша. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 66.

⁴⁵ История русского советского романа. М.—Л., 1965, т. 1, стр. 232.

внимание к чувствам человека, положенные в основу изображения характера в романе «Зависть», определили успех в создании образа Николая Кавалерова и неудачное изображение новых людей. Поэтому мы можем говорить о типичности характера Николая Кавалерова, так как его чувства и эмоции, раскрытые в романе, являются характерными для данного социально-психологического типа. Типичность характера Николая Кавалерова передается не столько через типичность судьбы героя, сколько через верность и точность его социально-психологических реакций на окружающую действительность. Однако говорить о детерминации характера и обусловленности его конкретно исторической обстановкой (как на это указывает Л. Ф. Ершов ⁴⁶), было бы неверно, так как предметно-бытовое окружение, вещи являются в романе, как мы это показали, средством раскрытия характера, а не средством его детерминации.

Советская действительность, переданная преимущественно через восприятие Кавалерова, не предстает в романе как типические обстоятельства, в которых формировались новые герои. Изобразить новых людей в том же плане, как изображен Николай Кавалеров, было невозможно, так как их внутренний мир только начали исследовать в литературе 20-х годов. Поэтому образы Володи Макарова и Андрея Бабичева не выросли до больших обобщений и не являются типичными даже по своим эмоциям.

Март, 1968

Шяуляйский педагогический институт

APIE MENINIŲ ŽMOGAUS PAVAIZDAVIMO PRINCIPŲ SAVITUMĄ J. OLIEŠOS ROMANE „PAVYDAS“

K. RACEVICIŲTĖ

Re z i u m ė

J. Oliešos kūryba labai savita ir originali. Todėl, nagrinėjant romano „Pavydas“ herojų paveikslus, būtina išstudijuoti ir suprasti rašytojo meninį pasaulį, estetinius principus.

⁴⁶ «Изображение социально-психологических процессов потребовало отчетливее детерминировать характер, обусловить его конкретно-исторической обстановкой, показать, как она лепит его нрав и привычки». Л. Ф. Ершов. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., 1960, стр. 220.

Piešdamas savo herojų paveikslus, J. Olieša ypač didelį dėmesį skiria jų santykiams su aplinka, su jos daiktais. Detalų kasdieninio materialaus pasaulio vaizdavimą romane rašytojas pajungia pagrindiniam uždaviniui — herojaus vidinio pasaulio pavaizdavimui.

Atskleidamas senosios ir naujosios epochos žmonių jausmus, J. Olieša parodo, jog herojaus jausmų pobūdis priklauso nuo jo santykių su laikmečiu. Ypač giliai psichologiškai J. Olieša sugebėjo perteikti senojo pasaulio herojų išgyvenimus.

Meniniai rašytojo principai — tikrovės perteikimas herojaus akimis, herojaus vaizdavimas glaudžioje sąveikoje su jį supančių daiktų pasauliu, didelis dėmesys žmogaus jausmams,— apsprendė laimėjimus, kuriant senojo pasaulio atstovo Nikolajaus Kavalerovo paveikslą, ir nesėkmes, piešiant naujų žmonių paveikslus. Todėl tik Nikolajų Kavalerovą galima laikyti tipišku charakteriu, nes romane atskleisti jo jausmai ir emocijos būdingi socialiniam-psichologiniam tipui.

ON PECULIARITIES OF ARTISTIC PRINCIPLES IN DESCRIBING MAN IN J. OLESHA'S NOVEL *ENVY*

K R A C E V I Č I U T Ė

S u m m a r y

J. Olesha's works are very peculiar and original, therefore the analysis of Olesha's characters should be carried out in close relation with the author's aesthetical principles and his conception of the artistic world. In presentation of the characters, particular attention is paid to their relationship with the surrounding world. Detailed description of the external world is subjected to the main task, i. e. to the revealment of the hero's inner world. In presenting his heroes' feelings J. Olesha tries to show the feelings characteristic of a representative of the old epoch and those characteristic of a representative of our times. Thus, the character of the hero's feelings depends on his connection with his epoch. It should be noted that J. Olesha succeeded in presenting the psychological analysis of the feelings only of the heroes' representing the old world.

The writer's artistic principles such as the description of reality through the hero's eyes, close relations between the hero and the

surrounding world, particular attention to a man's feelings enabled the writer to create an unforgettable character of the representative of the old world Nikolay Kavalero. Respectively the author's failure in depicting the characters of our time can be accounted for by the same factors. Therefore, it is only Nikolay Kavalero who might be considered a typical character, because his feelings and emotions shown in the novel are characteristic of this social-psychological type.